

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

ВЕРА ЗАЙЦЕВА

В залах МОСХ (ул. Вавилова, 65) недавно проходила выставка произведений известного театрального художника Веры Михайловны Зайцевой (1924—1983).

Посмертная выставка... Как не вяжутся эти слова с образом Веры Зайцевой, какая жестокая несправедливость заключена в них! Итог и завершение творческого пути, окончательная — навсегда — остановка в работе — все это так же трудно отнести к Вере — художнику, как примириться с ее человеческим уходом, понять и принять тот факт, что ее нет и никогда уже не будет в нашей жизни.

Вере было много дано: чудесный облик, женственный, мягкий, сочетающий тонкую интеллигентность с простонародной русской красотой; острый, живой, насмешливый ум; бескомпромиссная прямота и правдивость — но лишены даже оттенка самоуверенного поучительства; страстная, до боли, отзывчивость на малейшие проявления равнодушия, подлости, лжи — и рядом все перекрывающее чувство красоты, любовь к природе во всех ее проявлениях, умение ощутить поэзию во всем, будь то народное искусство с его образной символикой и декоративной условностью или живая реальность южного базара, мягкая лирика Подмосковья или суровые камни Грузии. Вера умела радоваться и удивляться всему: озаренному утренним солнцем старому Дубровнику, родниковой прозрачности

Адриатического моря и дождика И. Рабиновича — благородной простоте Покрова на Нерли, вновь расчищенным фрескам Успенского собора во Владимире и таинственной пелене тумана, окутавшего мост через невидимую ночную речку, и рождению одиннадцати щенят у собаки Ингрид.

Неповторимость духовного облика Веры Зайцевой — в ее вещах. Никогда, ни в одной даже, казалось бы, «проходной», заказной работе не изменяла она себе, не подстраивалась ни под какую моду, не уступала и честицы своего восприятия мира, своего чувства цвета — гораздо более глубокого и важного качества, нежели просто ощущение колористической гармонии.

Внешне творческий путь Веры Зайцевой был достаточно ровен, лишен особых событий и драматизма. Окончив в 1951 году Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина в Ленинграде по мастерской театральной живописи М. Бобышева, она в течение всей своей жизни была связана с театром: оформляла спектакли во многих театрах нашей страны, преподавала на постановочном факультете школы-студии МХАТ. Ей посчастливилось начать свой творческий путь под руководством замечательного ху-

дожника И. Рабиновича — быть его помощником в постановке «Сицилийской вечерни» Дж. Верди в Московском музыкальном театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, в дальнейшем несколько лет работать рядом с Н. Шифриным в Центральном театре Советской Армии. От этих мастеров Вера Зайцева восприняла многие важные качества, ставшие основой ее творчества, и прежде всего острое чувство театральности. Ее работам всегда присущи смелая изобретательность, умение найти интересный прием, позволяющий режиссеру строить динамичное действие. Умно и точно взятая деталь — занавес-карта России в декорациях к «Большевикам» М. Шатрова, висящая над сценой огромная голова быка, окутанная развевающейся красной лентой в решении «Корриды» А. Састре, красно-белые жалюзи в «Ужине в Санлисе» Ж. Ануя — как бы задает тон спектаклю, обозначает и место действия, и характер, и стиль, и жанровую природу пьесы.

Она работала во многих жанрах, но была ли это сценография, или «чистая» живопись, работа на натуре или художественная фантазия, сделанное темперой в духе фрески декоративное панно

или аппликационный ковер — во всем раскрывалось живописное видение художника, всегда главным выразителем настроения, чувства, образа становился цвет, сама фактура живописи, соотношение фактур в декоративных работах. Резкие изломы голубого льда на черном бархате в эскизах к «Снежной королеве», огненно-оранжевые вспышки хурмы на фоне синей одежды грузинок в работах «Торговки хурмой», «На базар», почти монохромный черно-серый тон каменных стен в пейзажах старого Тбилиси: «Винтовая лестница», «Двор», «Улочка» — везде цвет несет в себе эмоциональную нагрузку, создает настроение.

В 1960-е и 1970-е годы многие художники отдали дань увлечения театром, фольклором, карнавальными стихией, народным лубком и орнаментом. Творчество Веры Зайцевой, казалось бы, в полной мере вписывается в эту струю нашего искусства — и не вписывается. От большинства работ этого направления творчество Веры отличается полное отсутствие какой-либо стилизации, элитарной игры с «примитив», искусственной придуманности, сочиненности. Все это было ей глубоко чуждо, художественно и нравственно неприемлемо. Она никогда ничего не умела «сочинять». «Пир» из серии «Грузинские мотивы» — это не стилизация под старую фреску, не вариация на темы народного орнамента или лубка — ни-

В. Зайцева на фоне своего гобелена «Семья».

Фото В. Воронова.

каких прямых аналогий в грузинском искусстве мы быть может, и не найдем. Это воспоминание о Грузии, ощущение Грузии, грузинского искусства, воплотившиеся в необыкновенно оригинальной форме игры фактур, использование грунта присыпанного песком, по которому краски ложатся как по печатнику, обретая неожиданные колористические свойства, сдержанную гармонию оттенков землистых тонов. Проталины даже нельзя сказать, что Вера их написала: она их изобрела, смастерила с той же неожиданной силой фантазии, с какой подбирала для своих гобеленов куски разных тканей, веревки, свитых в жгуты нарезанных полос самых необыкновенных материалов, обращая их в краски, мазки, образы с их помощью фактуру и достигая настоящей «живописности».

А рядом с этим праздничным, радостным изобретательным созданием как-то очень скромно и ненавязчиво проходила в творчестве Веры работа с натуры в ее традиционном понимании: простое, строгое, честное изучение природы в первую

очередь — пейзажей Урала и Забайкалья, средней полосы России и русского Севера. Немногие, даже близко знавшие Веру Зайцеву художники представляли себе, каким хорошим пейзажистом она была, как тонко и поэтично умела видеть и передавать нюансы состояния природы, следуя в этом лучшим образцам русской и советской пейзажной живописи.

Вере Зайцевой не пришлось увидеть своей выставкой, о которой она так мечтала, которой так радовалась — второй в своей жизни и первой по-настоящему полной персональной выставки. Радостно сознавать, что творчество ее, то самое главное, самое истинное, что было в Вере, что составляло ее человеческую сущность, пришло сегодня к людям, оживило и обрело голос на стенах выставки, запечатлелось в сознании и памяти зрителей. Для одних эта встреча станет — хочется верить — счастливым знакомством с талантливым, ни на кого не похожим, чистым и добрым художником. Для других — свидание с другом.

М. ЧЕГОДАЕВА.

175